

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.17>

Синегубов Станислав Николаевич, Шилов Сергей Павлович

МИРНАЯ РИТОРИКА И ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ: ГЕРМАНО-БРИТАНСКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МАЕ 1912 - ИЮЛЕ 1914 Г.

В работе анализируются германо-британские военно-морские отношения на отрезке времени конца мая 1912 - июля 1914 г. Целью статьи является доказательство того, что после безуспешного для подписания межгосударственного договора по флоту частного визита военного министра Великобритании Р. Холдена в Берлин 22 мая 1912 г. обе стороны окончательно нацелились на разрешение имевшихся противоречий силовым путем. Внешне мирная риторика сохранялась. Однако она не подтверждалась конкретными делами, а служила своего рода камуфляжем военных приготовлений. О последних говорили неопровержимые свидетельства и сам факт начавшейся 4 августа 1914 г. войны между двумя странами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 91-96. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94:359:327.5(430+410)

Дата поступления рукописи: 04.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.17>

В работе анализируются германо-британские военно-морские отношения на отрезке времени конца мая 1912 – июля 1914 г. Целью статьи является доказательство того, что после безуспешного для подписания межгосударственного договора по флоту частного визита военного министра Великобритании Р. Холдена в Берлин 22 мая 1912 г. обе стороны окончательно нацелились на разрешение имевшихся противоречий силовым путем. Внешне мирная риторика сохранялась. Однако она не подтверждалась конкретными делами, а служила своего рода камуфляжем военных приготовлений. О последних говорили неопровержимые свидетельства и сам факт начавшейся 4 августа 1914 г. войны между двумя странами.

Ключевые слова и фразы: Германия; Великобритания; флот; соперничество; война.

Синегубов Станислав Николаевич, д.и.н., профессор

Шилов Сергей Павлович, д.и.н., профессор

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
globus_75@inbox.ru; sshilov@mail.ru

МИРНАЯ РИТОРИКА И ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ: ГЕРМАНО-БРИТАНСКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МАЕ 1912 – ИЮЛЕ 1914 Г.

В 2018 г. мировое сообщество отметило 100-летие окончания Первой мировой войны, превзошедшей по своим трагическим масштабам все войны предыдущих веков. Поэтому изучение событий в международной политике, способствовавших ее развязыванию, по-прежнему остается в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей. Об этом наглядно свидетельствуют работы, появившиеся в последние годы в ряде стран-участниц Великой войны [17, с. 175-178]. Одной из центральных проблем этой темы, несомненно, являются германо-британские военно-морские противоречия, ставшие камнем преткновения во взаимоотношениях между двумя государствами в предвоенные годы. В исследовательской литературе имеются разные точки зрения относительно того, когда все-таки, в первую очередь, политическое руководство кайзеровской Германии стало настраиваться на исключительно силовой вариант разрешения накопившихся проблем, поскольку и после 1918 г., и после 1945 г. обвинения в западной историографии в развязывании мирового конфликта шли главным образом в адрес немцев. В этом особенно преуспели англоязычные исследователи, полагавшие, что курс против Великобритании Германия взяла еще в 1900 г. Среди них можно назвать таких корифеев научной мысли, как А. Мардер, Дж. Стейнберг, Дж. Сумида, П. М. Кеннеди, Н. Ламберт [31; 32; 34; 36; 37]. Некоторые германские авторы также придерживались «антинемецкой» позиции. Так, Дж. Рёль, Ф. Фишер, А. Гассер, Б. Ф. Шульте и целый ряд других историков были убеждены, что Берлин однозначно встал на «тропу войны» в декабре 1912 г. [35, S. 77-134]. Напротив, С. Фёрстер считал, что вступление Германии в войну спонтанно предопределялось событиями, связанными с убийством австрийского наследного принца Франца Фердинанда [27, S. 254-256].

Отечественные историки в целом говорили об особой агрессивности германского империализма, выражавшейся в том числе и в ускоренном строительстве военно-морского флота. Последний нужен был для войны и передела уже поделенного мира. Данный тезис красной нитью проходит через сочинения В. М. Хвостова, Ф. А. Ротштейна, А. С. Ерусалимского, Б. М. Туполева, В. Г. Трухановского, Д. В. Лихарева, Е. В. Романовой [6; 13; 16; 18-20]. Однако исследователи не акцентировали особого внимания на вопросе «низкого старта» к военным действиям правящих кругов двух держав.

На основе имеющегося архивного и исследовательского материала представляется допустимым представить собственное видение выделенной проблемы и представить ее возможное решение, учитывая, что краеугольным камнем германо-британских противоречий были военно-морские. **Научная новизна** труда заключается в том, что в отечественной историографии делается первая попытка четкого определения причин и этапов отношений между странами в 1912-1914 гг., когда германские и британские власти де-факто взяли курс на конфронтацию как способ разрешения накопившихся противоречий вообще и военно-морских в первую очередь.

Исходя из **цели** исследования – дать оценку особенностям германо-английских военно-морских отношений накануне Первой мировой войны (конец мая 1912 – июль 1914 г.), – определяются его **задачи**: обосновать выделение предвоенного периода (конец мая 1912 – июль 1914 г.) как особого и значимого во взаимоотношениях Германии и Великобритании; определить этапность развития этих отношений, серьезно отягощенных неразрешенностью «морской проблемы»; кратко охарактеризовать каждый из выделенных этапов и представить их военно-политическую вальсацию на общем фоне состояния международной обстановки в целом того времени; оценить глубину и значимость делавшихся тогда с обеих сторон «мирных заявлений» для решения сформировавшихся серьезных затруднений в двухсторонних отношениях.

После безуспешной миссии британского военного министра Р. Холдена в Берлин в начале февраля 1912 г., пытавшегося убедить немцев не принимать новое дополнение к флотскому закону 1900 г., и утверждения рейхстагом 22 мая 1912 г. данного документа германо-британские военно-морские отношения вошли в новую фазу своего развития. Она продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны и имела свои

особенности, отличавшие ее от периода июня 1908 – февраля 1912 г. Тогда обе стороны прилагали неоднократные и разнообразные усилия в направлении достижения компромиссного соглашения.

Внешне после 22 мая 1912 г. обе стороны остались, что называется, «при своих интересах». Немцы продолжали реализовывать флотский закон и не шли на уступки британцам. Последние желали если не прекратить его выполнение, то хотя бы притормозить и установить приемлемую для них пропорцию соотношения боевых кораблей. Лондон, в свою очередь, не собирался потакать Берлину. Руководство II рейха стремилось к подписанию политического договора о нейтралитете Великобритании в случае войны Германии с Францией и Россией и заключению такого флотского соглашения, которое фиксировало бы превосходство английских военно-морских сил над немецкими всего на 1/3 [24, S. 89-91]. Однако тема переговоров и достижения какого-то приемлемого “modus vivendi” тем не менее формально не была снята.

Примечательно, но в день, когда германский парламент голосовал за третью флотскую новеллу, 22 мая 1912 г., Р. Холден, пусть и в частном порядке, опять прибыл в Берлин. Понятно, что на судьбу нового немецкого документа он повлиять никак не мог. Однако провести зондаж о последующих переговорах ему было вполне по силам. Тем более что противоположная сторона не высказывалась против. Еще 30 апреля 1912 г., когда уже было практически ясно, что флотская новелла будет рассматриваться в третьем и последнем чтении и перспективы ее одобрения гарантированы, статс-секретарь иностранных дел А. Кидерлен-Вехтер дал прямо понять военно-морскому статс-секретарю А. Тирпицу, что переговоры с англичанами надо продолжать [26, S. 146]. Об этом заявлялось и англичанам.

Однако проведенные Р. Холденом в мае 1912 г. встречи с немецкими высокопоставленными чинами ожидаемого результата не дали. Доказательством тому являлось то, что после его возвращения на родину британские издания на повестку дня остро поставили вопрос о необходимости превращения “Entente cordiale” в по-настоящему военный союз. Это позволило бы осуществить переброску необходимого количества британских кораблей из Средиземного моря в Северное в любое время без каких-либо серьезных военно-стратегических последствий [12]. И действительно 14-15 июля 1912 г. кабинет министров уже обсуждал возможность такой операции. Проведенная по этому поводу дискуссия выявила как ее сторонников, так и противников [33, p. 457].

Впрочем, не надеясь только на такой вариант военно-морского усиления британского присутствия в Северном море, Первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль, выступая в нижней палате парламента еще в середине мая 1912 г., однозначно высказался в пользу дополнительного финансирования морских сил. Это, как полагалось, должно было стать достойным ответом на очередную флотскую новеллу Германии. Морской бюджет Великобритании 1912/13 г. обсуждался и принимался в марте 1912 г. Его расходная часть исходила из того, что другие державы, и в первую очередь Германия, не будут вносить каких-либо серьезных изменений в свои военно-морские программы и соотношение британских сил к немецким должно соответствовать пропорции «16:10» [2, с. 179]. При ином развитии событий предусматривалось изменение морского бюджета страны в сторону его увеличения [11]. Поэтому предложения У. Черчилля полностью соответствовали этим первоначальным планам.

Первый лорд Адмиралтейства предлагал не только ускорить строительство боевых кораблей, но и увеличить численность офицерского состава. В частности, это планировалось делать двумя путями. Во-первых, за счет понижения возрастного ценза кандидатов в будущие командиры до 18 лет. Во-вторых, через перевод части моряков из торгового флота в военный [4, с. 174-175]. 18 июля 1912 г. английская общественность, как, впрочем, и немецкая, была ознакомлена с дополнениями к морскому бюджету Великобритании на 1912/13 г. Они свидетельствовали о сохранении принципа «2 против 1», т.е. на каждый заложенный в Германии киль по другую сторону Ла-Манша намечались отвечать двумя.

Кроме того, несколькими днями позже У. Черчилль сделал специальное заявление. Из него следовало, что в ближайшее время намечается переброска восьми линкоров в Северное море за счет перегруппировки сил средиземноморского и атлантического флотов [25, S. 217]. Это позволило бы, по словам английского министра, к 1914 г., когда еще не будет создана запланированная по итогам выполнения новеллы 1912 г. третья немецкая эскадра, обеспечить пропорционально пусть не двукратное, но тем не менее заметное превосходство над германскими боевыми судами – 41 к 29. В Берлине восприняли информацию об усилении британского морского бюджета крайне негативно [29, S. 231]. Там считали, что все опасения англичан по поводу якобы растущей «немецкой угрозы в Северном море абсолютно не обоснованы [14, д. 3612, л. 33].

События, связанные с 1-й Балканской войной (октябрь 1912 – май 1913 г.), выявили разность оценок и подходов к ним со стороны двух держав. Это не способствовало снятию общей напряженности в их отношениях вообще и по военно-морским проблемам в частности. Знаковым для Вильгельма II и военно-морского статс-секретаря А. Тирпица стало заявление английского короля Георга V, которое он сделал брату кайзера Генриху Прусскому 12 декабря 1912 г. В нем прямо звучало, что Англия в случае европейской войны встанет на сторону Франции и России [29, S. 295]. Назвать это каким-то неожиданным и неприятным сюрпризом для немецкой стороны было бы абсолютно неправильным. Ведь еще с конца 1904 – 1905 г., когда в период Русско-японской войны произошло первое серьезное военно-политическое обострение между двумя странами в XX столетии, и в последующем, особенно после знаменитого «прыжка Пантеры» в июле-ноябре 1911 г., вопрос о войне между странами, что называется, стоял ребром. Обе стороны ее рассматривали как вполне возможный вариант развития событий. Более того, они к ней готовились. Об этом свидетельствовала деятельность всех британских Первых морских лордов Адмиралтейства периода 1904-1914 гг. Да и политику «отца германского флота» статс-секретаря А. Тирпица, направленную на безукоризненное

и скорейшее выполнение Второго флотского закона 1900 г. со всеми его дополнениями, назвать мирной, с любыми натяжками, никак не получится.

К тому же за несколько дней до заявления Георга V, 8 декабря 1912 г., в Берлине прошло известное в истории заседание Военного совета. Абстрагируясь от разных оценок этого совещания высших военных и политических чинов II рейха, которые имеются в западной исторической литературе, следует все-таки признать, что вопрос о войне с Великобританией, причем в самое ближайшее время, там был решен однозначно – войне быть [35, S. 77-134].

Пожалуй, в русле подготовки к ней следует рассматривать и появившуюся в декабре 1912 г. информацию о готовившемся проекте нового флотского законопроекта, т.е. очередной, уже четвертой по счету новеллы. Думается, что неслучайно данная «затея» появилась именно после заседания Военного совета. Однако против ее реализации высказывались рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег и статс-секретарь иностранного ведомства Г. Ягов. Они категорически не хотели очередного обострения отношений с англичанами и не теряли все-таки надежды на достижение в целом компромиссного соглашения между двумя странами. Политики прямо заявляли об этом публично, в частности на заседаниях рейхстага в начале 1913 г. во время обсуждения проекта военного бюджета. В их представлении, озвученная У. Черчиллем в марте 1913 г. мысль о введении так называемого “naval holiday”, т.е. моратория на год в военно-морском судостроении, давала основание для оптимистических ожиданий. К тому же полученное ими в марте 1912 г. тирпицевское одобрение формулы «16:10», определяющей якобы ближайшее будущее соотношения флотов Великобритании и Германии, подогревали веру в достижение желанной договоренности.

Действительно, немецкий военно-морской статс-секретарь тогда публично поддерживал заявленные цифры. Однако в кулуарах расценивал инициативу британского морского министра не иначе, как очередной обман. По его мнению, целью английских «благих пожеланий» являлось стремление затормозить реализацию германской программы строительства военно-морских сил. К тому же черчиллевский «почин» им рассматривался чуть ли не частной инициативой, ведь официальных предложений от британского правительства на этот счет в Берлин не поступало. Кроме того, мимо А. Тирпица не прошли издевки и насмешки в английской прессе, которая, что называется, прошла катком по одобренной им пропорции «16:10» как якобы основы для подписания межправительственной договоренности. Журналисты туманного Альбиона заявляли, что, во-первых, их правительство никогда не рассматривало указанную формулу в качестве краеугольного камня флотской договоренности, а во-вторых, высказывание У. Черчилля нужно рассматривать лишь как один из вариантов его размышлений об обеспечении безопасности Великобритании. И не более того [3, с. 224-225].

Последующие донесения из Лондона германского военно-морского атташе Э. Мюллера в июне 1913 г. убеждали А. Тирпица в правоте его оценок. Так, в одном из посланий первого отмечалось о намерении У. Черчилля вновь актуализировать проект “naval holiday”. Правда, при этом Э. Мюллер замечал, что лично он не верит в искренность намерений британцев, называя все их действия «блефом» [23]. “Naval holiday”, по его убеждению, преследует сразу несколько целей. Первая из них заключается в том, чтобы как минимум на год зафиксировать имеющееся преимущество британского флота над германским и одновременно несколько ослабить финансовый прессинг на государственный бюджет, направив сэкономленные средства на решение имеющихся острых социальных проблем. Вторая цель, по Э. Мюллеру, состояла в том, чтобы, в случае отказа Германии от предложенного варианта, свалить на нее всю вину за продолжение гонки вооружений на море и, возможно, даже использовать этот отказ для организации очередной «паники» на британских островах по типу мартовской 1909 г. Последняя, как известно, способствовала тому, что британский парламент одобрил строительство беспрецедентно большого количества боевых кораблей разных классов, и прежде всего линкоров. Подобные расчеты, по мнению германского военно-морского атташе, У. Черчилль и его команда держали в уме, чтобы добиться принятия расширенной морской программы на 1913/14 г. и таким образом обойти на совершенно законных основаниях заявленную формулу «16:10».

Как и ожидалось, 18 октября 1913 г., находясь в Манчестере, У. Черчилль объявил о том, что Великобритания выступает за “naval holiday”. Однако какой-либо положительной реакции у международного сообщества это начинание не вызвало. И самое главное – основной адресат, на которого оно было рассчитано – Германия, – внешне сохранял полную невозмутимость, если не считать вполне предсказуемую рефлексию кайзера Вильгельм II. Он, в свойственном ему духе и стиле, разразился негодующими тирадами и заявил, что после всех этих британских казуистик будет не только строго придерживаться буквы и духа флотского закона 1900 г., но и постарается добиваться его очередного дополнения, особенно по части сооружения крейсеров [5, с. 199]. Как полагал российский военно-морской агент в Берлине Е. Беренс, спокойствие политических и общественных кругов Германии на черчиллевское предложение объясняется отсутствием в нем какой-либо конкретики, а потому его расценивали исключительно как пропагандистскую уловку, призванную ввести в заблуждение не только немцев, но и другие народы Европы и мира, развивающие свои флоты [14, д. 3597, л. 59-60].

Между тем обе стороны не сбавляли темпов подготовки к войне. В Германии шла к завершению реконструкция Кильского канала, соединявшего Северное и Балтийское моря и позволявшего достаточно быстро перебрасывать при необходимости корабли всех классов из одного бассейна в другой. Работы на нем закончились 24 июня 1914 г. [10]. На воду с присущей немцам пунктуальностью спускались новые боевые корабли. Все судоверия, включая не только государственные, но и частные, были нацелены в первую очередь на выполнение имперского флотского закона. Иногда даже в ущерб выполняемым иностранным заказам. Примером этому может служить фирма “Schihau”. Она строила в 1913-1914 гг. для России два малых крейсера.

Компания явно нарушала сроки их сдачи. Причина задержки заключалась в неукоснительном соблюдении графика сооружения кораблей для отечественного флота [15, д. 41, л. 48-49].

В германском военно-морском ведомстве в конце ноября 1913 г. активно обсуждались проекты нового бронированного крейсера, вооруженного мощными орудиями калибра 350-380 мм, абсолютно не уступавшего британским кораблям этого класса [21, S. 140-142]. Появление таких судов должно было нивелировать количественный перевес британских линкоров с их более мощными орудиями над германскими в Северном море. По словам А. Тирпица, сказанным им еще в июле 1912 г., калибр орудий немецких больших крейсеров вкупе с линкорами, конечно, уступал английским. Однако в условиях частой плохой погоды в Северном море британцы не смогут в полной мере использовать имеющиеся у них преимущества для дальнего боя. В сражении же на близком расстоянии шансы на победу оценивались военно-морским секретарем как 1:1 [22, р. 760-761].

Однако немцы не только обсуждали перспективы создания новых боевых кораблей, но и строили их на «страх и зависть» англичан. В ответ на британский «сверхдредноутный вызов» на немецких верфях с 1913 г. пошли в серию суда класса “Bayern”. Они отличались мощным вооружением, в том числе и орудиями калибра 380 мм. Примечательно, что решение о сооружении таких кораблей ведомство А. Тирпица приняло до того, как стала известна информация о черчиллевском проекте сверхдредноутов типа “Queen Elizabeth” [1, с. 14]. В Первой мировой войне участвовало два корабля класса “Bayern”.

Насколько серьезно англичане оценивали мощь германского флота к 1914 г., свидетельствует и заявление американского военно-морского атташе в Берлине А. Р. Хиблэка. Из него следовало, что в британском Адмиралтействе имелся определенный страх перед немецкими кораблями, особенно линкорами и миноносцами, поскольку там не располагали достоверными свидетельствами о результатах их учебных стрельб. Ввиду того, что данные об этом были строго засекречены, англичане объясняли это желанием германской стороны скрыть не только недостатки, но и очевидные успехи «немецких канониров» [29, S. 306, 308].

В этом же ключе, т.е. серьезном опасении Hochseeflotte, следует рассматривать и представленный правительству в конце 1913 г. У. Черчиллем военно-морской бюджет на предстоящий год. Он составлял невиданную до этого времени сумму в 53 млн фт. ст. И даже после всех «согласований и увязок» цифра все равно оставалась впечатляющей – 52 млн фт. ст. [18, с. 117-118]. Опять же, с целью усиления группировки британских кораблей в Северном море 30 марта 1914 г. в парламенте У. Черчилль выступил с инициативой создания так называемой общеимперской эскадры (Imperial Squadron). В ее состав предполагалось включить один линейный крейсер и четыре дредноута, а местом базирования рассматривался Гибралтар. При неотложной необходимости эти корабли можно было бы быстро перебросить в любую точку Северного или Средиземного морей [4, с. 164-165].

Британцы также стремились как можно быстрее нарастить мощь собственного флота за счет современных кораблей. Начиная с конца 1909 г. в производство пошли так называемые сверхдредноуты? и к осени 1914 г. Grand Fleet располагал практически 12 однотипными подобными судами, вооруженными 343 мм орудиями. Однако зарубежные эксперты, в том числе и германские, были еще больше поражены, когда узнали, что по инициативе У. Черчилля в Великобритании по программе 1912 г. стали строиться линкоры, вооруженные 381 мм орудиями и обладающие достаточно высокой скоростью в 23 узла. И первым из них вошел в строй “Queen Elizabeth” [8].

Все рассмотренные кратко действия немцев и англичан сопровождалось вполне миролюбивыми заявлениями от каждой из соперничавших сторон. Например, после предложения об установлении “naval holiday”, прозвучавшего из уст У. Черчилля 18 октября 1913 г., представители германского истеблишмента, в отличие от кулуарных разговоров между собой, публично благоприятно отозвались о нем. И даже говорили, что оно якобы способствует улучшению отношений между двумя странами [14, д. 3597, л. 90]. На словах британский морской министр также выступал за то, чтобы все-таки договориться с Берлином по флоту, заключив соответствующее соглашение. Подобные заявления он делал и в конце 1913, и начале 1914 г. Так, 16 декабря 1913 г. в “Berliner Tageblatt” появилась статья, в которой говорилось о намерении У. Черчилля после поездки в Париж посетить немецкую столицу, чтобы обсудить вопросы, касающиеся развития флотов [21]. Этот вояж так и не состоялся, но информация о вроде бы добрых намерениях британцев произвела на обывателя внешне благоприятное впечатление.

Конечно же, именно конкретные дела прямо свидетельствовали о том, что ни в Берлине, ни в Лондоне уже не верили в возможность достичь компромисса по острой военно-морской проблеме. Даже на такое, казалось бы, ни к чему не обязывающее в политическом смысле ежегодное традиционное мероприятие немцев, как «Кильская неделя», в мае 1914 г. У. Черчилль по настоянию Э. Грэя отказался приехать. Хотя приглашение исходило лично от Генриха Прусского. Он, как известно, специально политическими делами не занимался и являлся, к слову, не только покровителем кильского яхт-клуба и немецким гросс-адмиралом, но и еще и английским адмиралом флота, получившим это звание в 1910 г. В Лондоне посчитали, что визит британского министра и возможная встреча его с А. Тирпицем на данном мероприятии неправильно могут истолковать в Париже и Петербурге. А это, в свою очередь, бросит тень на все усилия англичан по сплочению стран Антанты перед «немецкой угрозой» [30, S. 275-277]. Известно, что именно в том же мае, а затем уже в июне-июле 1914 г. англичане на достаточно высоком уровне вели переговоры с представителями России о заключении военно-морского договора [7, с. 134]. Впрочем, и немцы прилагали усилия, чтобы консолидировать членов Тройственного союза. С этой целью в мае 1914 г. кайзер и А. Тирпиц посетили Австро-Венгрию, чтобы обсудить взаимодействие флотов блока в Мессинском проливе против французов, когда начнется война [14, д. 3597, л. 100-103]. Очевидно, что обе стороны готовились к войне и видели только в ней способ разрешения имеющихся противоречий, в том числе и в области военно-морских взаимоотношений.

Таким образом, подводя итог краткому анализу особенностей германо-британских военно-морских отношений в мае 1912 – июле 1914., можно сделать ряд **выводов**. Выделение указанного временного отрезка вполне обоснованно, поскольку после принятия в мае 1912 г. немецкими властями третьей флотской новеллы характер контактов с представителями Великобритании стал иным. Он отличался от того, что происходило в предшествующий период – в июне 1908 – феврале 1912 г. По факту не предпринималось никаких реальных переговорных усилий, чтобы добиться хоть какой-нибудь компромиссной договоренности. Все ограничивалось либо общими заявлениями, либо такими предложениями, которые очевидно являлись неприемлемыми в тех условиях. Именно развитие двухсторонних отношений по острой военно-морской проблеме в мае 1912 г. – июле 1914 г. в итоге способствовало развязыванию Первой мировой войны. Условно на этом временном отрезке можно выделить несколько этапов: конец мая – первая половина декабря 1912 г., когда при формально мирных заявлениях ряда авторитетных чинов обе стороны одновременно на самом высоком уровне принимали решения очевидно милитаристского характера; конец декабря 1912 г. – начало 1914 г. характеризовался британской информационной интригой под названием “naval holiday”, заставлявшей немцев еще больше напрягаться и проявлять особую бдительность, особенно это было заметно со стороны военно-морского ведомства А. Тирпица; май-июль 1914 г. был отмечен сбрасыванием «всех и всяческих» миротворческих масок и открытым провозглашением курса на военную конфронтацию. Все публичные заявления официальных лиц Германии и Великобритании о мирных намерениях с конца мая 1912 г. по начало 1914 г. можно расценивать не иначе, как своеобразную дымовую завесу, которая прикрывала серьезные военные приготовления к силовому решению накопившихся проблем между странами, особенно в военно-морской сфере. Вопрос наступления этого часа «X» был лишь вопросом времени, причем самого ближайшего.

Список источников

1. **Виноградов С. Е.** Сверхдредноуты кайзера «Байерн» и «Баден». М.: Москва, 2003. 158 с.
2. **Доливо-Добровольский Б.** Иностранное обозрение. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1912. № 5. С. 179-208.
3. **Доливо-Добровольский Б.** Иностранное обозрение. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1913. № 4. С. 215-251.
4. **Доливо-Добровольский Б.** Иностранное обозрение. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1913. № 5. С. 157-194.
5. **Доливо-Добровольский Б.** Иностранное обозрение. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1914. № 1. С. 177-212.
6. **Ерусалимский А. С.** Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 608 с.
7. **Игнатьев А. В.** Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914). М.: Соцэкгиз, 1962. 244 с.
8. **Кофман В. Л.** Сверхдредноуты [Электронный ресурс]. URL: <https://military.wikireading.ru/62475> (дата обращения: 21.10.2018).
9. **Лихарев Д. В.** Гонка морских вооружений как причина и следствие великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века / под ред. В. Л. Малькова. М.: Наука, 1998. С. 537-554.
10. **Ляхницкий В. Е.** Кильский канал [Электронный ресурс] // Ляхницкий В. Е. Мировые морские каналы. URL: https://ct4.ucoz.ru/publ/bibc4/15_np/nr_054/16-1-0-255 (дата обращения: 21.10.2018).
11. **Новое время.** 1912. 1 (14) марта.
12. **Новое время.** 1912. 26 мая (8 июня).
13. **Романова Е. В.** Путь к войне: развитие англо-германского конфликта 1898-1914. М.: МАКС Пресс, 2008. 362 с.
14. **Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).** Ф. 418. Оп. 1.
15. **РГА ВМФ.** Ф. 1248. Оп. 1.
16. **Ротштейн Ф. А.** Международные отношения в конце XIX в. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 705 с.
17. **Синегубов С. Н.** Проблематика юбилейных изданий ученых ФРГ по предистории и истории Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52). Ч. 1. С. 175-178.
18. **Трухановский В. Г.** Уинстон Черчилль: политическая биография. М.: Мысль, 1977. 460 с.
19. **Туполев Б. М.** Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 19-62.
20. **Хвостов В. М.** История дипломатии: в 5-ти т. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871-1914 / под ред. А. А. Громыко. 820 с.
21. **Berliner Tageblatt.** 1913. 16 Dezember.
22. **British documents on the origins of the war, 1898-1914:** in 11 vols. / ed. by G. P. Gooch, H. Temperley. L.: York House, Kingsway, 1955. Vol. 6. Anglo-German Tension. Armaments and Negotiation, 1907-1912. 867 p.
23. **Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA).** Freiburg i. Br. (BRD) RM 3/11639. Erich v. Müller an den Staatssekretär des Reichs-Marine-Amts. 20.06.1913.
24. **BA-MA.** Freiburg, Nachlaß Tirpitz. № 253/24 b.
25. **Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes:** in 40 Bänden / hrsg. von J. Lepsius u.a. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1926. Bd. 31. Das Scheitern der Haldane-Mission und ihre Rückwirkung auf die Tripelentente 1911-1912. 572 S.
26. **Fernis H.** Die Flottennovellen im Reichstag 1906-1912. Stuttgart: Buchdruckerei R. Mahr, 1934. 164 S.
27. **Förster S.** Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-Quo-Sicherung und Aggression 1890-1913. Wiesbaden: Deutscher Verl., 1985. 320 S.
28. **Grißmer A.** Große Kreuzer der kaiserlichen Marine 1906-1918: Konstruktionen und Entwürfe im Zeichen des Tirpitz-Plans. Bonn: Bernard & Graefe, 1996. 206 S.
29. **Hopman A.** Das ereignisreiche Leben eines “Wilhelminers”. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920. München: R. Oldenbourg, 2004. 1231 S.
30. **Huldermann B.** Albert Ballin. Oldenburg – Berlin: G. Stalling, 1922. 407 S.

31. Kennedy P. M. Strategic aspects of Anglo-German naval race // Kennedy P. M. Strategy and Diplomacy 1870-1945. L.: Allen and Unwin, 1983. P. 127-160.
32. Lambert N. A. Sir John Fisher's Revolution. Colombia: Univ. of South Carolina Press, 1999. 410 p.
33. Lowe C. J., Dockrill M. L. The mirage of power: in 3 vols. L. – Boston: Routledge a. K. Paul, 1972. Vol. 3. The Documents on British Foreign Policy 1902-22. 759 p.
34. Marder A. J. From the Dreadnought to Scapa Flow – The Royal Navy in the Fisher Era: in 5 vols. L.: Oxford University Press, 1961. Vol. 1. The road to war? 1904-1914. 429 p.
35. Röhl J. G. C. An der Schwelle zum Weltkrieg. Eine Dokumentation über "Kriegsrat" vom 8 Dezember 1912 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1977. № 21. S. 77-134.
36. Steinberg J. A. German plan for the invasion of Holland and Belgium // The War Plans of the Great Powers. 1880-1914 / ed. by P. M. Kennedy. L. – Boston: Allen & Unwin, 1979. P. 155-170.
37. Sumida J. T. Sir John Fisher and the Dreadnought: Sources of Naval Mythology // The Journal of Military History. 1995. № 59. P. 619-638.

PEACEFUL RHETORIC AND PREPARATIONS FOR THE WAR: THE GERMAN-BRITISH NAVAL RELATIONS IN MAY 1912 – JULY 1914

Sinegubov Stanislav Nikolaevich, Doctor in History, Professor
Shilov Sergei Pavlovich, Doctor in History, Professor
P. P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University
globus_75@inbox.ru; sshilov@mail.ru

The paper analyses the German-British naval relations over the period from late May 1912 to July 1914. The authors aim to prove that after a private visit of the British War Secretary R. Haldane to Berlin on May 22, 1912 when they failed to sign the interstate agreement on the fleet, both sides formed clear intention to resolve the existed contradictions by force. In public, they stuck to peaceful rhetoric, yet it was not translated into concrete actions but served as a kind of camouflage for military preparations. This conclusion is justified by irrefutable evidence, without even mentioning the fact that on August 4, 1914, the war broke out.

Key words and phrases: Germany; Great Britain; fleet; rivalry; war.

УДК 9(94)

Дата поступления рукописи: 12.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.18>

В статье анализируются автобиографические записки бывшего коменданта концентрационного лагеря Аушвиц Рудольфа Хесса, созданные в начале 1947 г., и оценивается их историческая значимость. Рассматриваются обстоятельства появления автобиографии, поднимаются вопросы подлинности и аутентичности, освещаются основные этапы жизни Хесса. Автор выделяет три ключевых линии повествования, которые прослеживаются в записках (биографическая, производственная и аналитическая), и приходит к выводу, что даже перед лицом смерти Хесс не предал идеалы национал-социализма и лишь частично признал свою вину в совершенных преступлениях.

Ключевые слова и фразы: концентрационный лагерь Аушвиц; Рудольф Хесс; заключенные; национал-социализм; история Германии; история Польши; Вторая мировая война.

Ходячих Сергей Сергеевич, к.и.н.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва
khodyachikh@gmail.com

АВТОБИОГРАФИЯ РУДОЛЬФА ХЕССА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

После Нюрнбергского процесса, который прошел с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г., у исследователей возник повышенный интерес к бывшим руководителям гитлеровской Германии. Психологи, юристы, социологи, историки пытались понять психологию нацистов и способы конструирования их действительности, а также изучали мотивы, которыми они руководствовались при совершении преступлений против человечества. Большим подспорьем для этих исследований стали документы личного происхождения – дневники, воспоминания, мемуары лиц из ближайшего окружения Гитлера. На западе они начали активно издаваться во второй половине XX в. [16-18; 31; 32], в России – только в 1990-2000-е гг. [2; 3; 6; 7].

Одним из нацистских преступников, оставивших воспоминания, был бывший комендант концентрационного лагеря Аушвиц Рудольф Хесс, захваченный британской полицией в марте 1946 г. на немецко-датской границе. Данная статья посвящена изучению автобиографических записок Хесса как исторического источника, их особенностей и обстоятельств появления.

В зарубежной исторической науке мемуары Хесса частично рассматривались либо в общих трудах, освещающих историю нацизма в целом, либо в специальных работах, посвященных непосредственно